

О. Сазонова

«О, весна без конца и без краю...»

Одно из талантливейших стихотворений Блока — «О, весна без конца и без краю...» (1907). Жажда увидеть и познать жизнь во всех ее проявлениях, хотя бы самых бурных и грозных, пробивают себе дорогу в этом стихотворении поэта, придавая ему небывалую дотоле страстность, напряженность, какую-то ликующую безудержность, мощь, широту. Нет предела и преграды весеннему, грозному, что захватило поэта и несет его с собой, подобно паводку, на своих сверкающих волнах.

Ему казалось: весь мир готов переplавиться в пламени его любви, страсти, мечты. И он восклицает в каком-то самозабвенном упоении:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Поэт переполняет такой восторг перед жизнью, что вся она предстает перед ним прекрасной и дивной, достойной самых пылких и восторженных признаний и гимнов:

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!
...
Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

Ни от чего не может и не хочет он отречься, все переживает в радостном и напряженном сиянии, таком ослепительном, что в этом свете не остается ничего темного, жалкого и мелкого. Его охватывают новые и необычайно важные переживания — такие значительные, что они намного перевешивают любую боль, обиду, беду и придают им какой-то высший смысл:

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

Так поэт говорит в стихах, в которых обнажается душа, широко открывшаяся на встречу «всем впечатленьям бытия», жадно впитывающая их и не остерегающаяся ни одного из них — даже самого мучительного или же губительного.

Поэт отныне «принимает» жизнь в самых ее острых, резких, кричащих противоречиях, но не отбрасывает и щита, ибо эта жизнь чужда недавней отвлеченной мечтательности и безмятежности. В ней много сложного, трудного, мучительного. Поэтому поэт «принимает» ее не как юноша, которому она представляется в смутных и зыбких очертаниях, в «тумане утреннем», а как боец, вооруженный щитом и мечом. Поэт знает, что жизнь — это не тихие «елисейские поля», а «вечный бой», как скажет он впоследствии.